

ности менеджмента предприятий. Такая ситуация приводит к замораживанию оборотных средств, ухудшению финансового состояния предприятий и, в итоге, будет способствовать снижению темпов развития и дальнейшему сокращению объемов производства. Это, в свою очередь, может привести к социальной напряженности на предприятиях. Особенно это актуально для предприятий машиностроительного комплекса, которые обеспечивают более 40 % всех занятых в промышленности.

Отмечается тенденция опережающего роста заработной платы над ростом производительности труда, что в будущем приведет к ухудшению финансового состояния предприятий, и будет способствовать дальнейшему снижению темпов развития.

Назрела острая необходимость в инновационных переменах, инновационном замещении на существующих промышленных предприятиях г. Красноярска, и, возможно, в инновационном замещении целых видов экономической деятельности экономики города.

Библиографический список

1. Статистика ООН [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://unstats.un.org>. – Загл. с экрана.
2. Арбузов, В. А. Официальные материалы и публикации Администрации г. Красноярска / В. А. Арбузов,

С. А. Сидельникова // Сравнительный анализ развития отраслей промышленного комплекса г. Красноярска 2002–2004 гг.

3. Березинская, О. Бизнес–климат и инвестиции в России / О. Березинская [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: www.opes.ru. – Загл. с экрана.

4. Федотов, К. Инвестиционный прорыв / К. Федотов [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: www.opes.ru. – Загл. с экрана.

5. Сухарев, О. С. Механизмы разрушения Российского «high tech» / О. С. Сухарев // Промышленная политика в РФ. 2005. № 3.

6. Арбузов, В. А. Справочно-аналитические материалы Администрации города / В. А. Арбузов, С. А. Сидельникова ; под ред. В. В. Кочубея // Промышленность г. Красноярска в динамике 2003–2005 гг.

7. Справочно-аналитические материалы Администрации города / Основные направления социально-экономического развития г. Красноярска на период до 2005 года, опубликовано главным управлением экономики и планирования в 2004 г.

8. Оболенский, В. П. Российская экономика в глобальных хозяйственных связях: проблемы конкурентоспособности / В. П. Оболенский // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 47–64

9. Отчеты Красноярского комитета статистики, 2002–2005 гг.

О. А. Petrova, G. Ya. Beliakova

ANALYTIC RESEARCH OF KRASNOYARSK INDUSTRIAL COMPLEX

The innovative process is concerned with our country economic. Activation of innovative activity is obtaining of greater meaning for economic recovery, steady economic growth of the country in term of regions, but in the same time innovative process is impossible without actualization of innovation substitution process at industrial enterprises of the country, region and city.

УДК 631.15:577.4:338:911.3

С. М. Пшихачев, А. С. Пшихачев

ИМПЕРАТИВНОСТЬ ЭКОЛОГИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Рассмотрены глобальный характер и дефиниции устойчивого развития. На конкретных примерах экономической деятельности в аграрной сфере разных регионов мира проанализирована специфика понятий экономического роста и устойчивого развития. Вскрыты причины негативных экологических последствий, являющихся результатом перманентного технократичного подхода и экономического роста вне учета экологических императивов. Аргументирована насущность парадигмы устойчивого развития и необходимость дифференцированного подхода к проблеме устойчивости. В контексте структурной перестройки и экологизации российской экономики сделан вывод о необходимости смены парадигм, разработки и принятия общенациональной российской программы перевода аграрной сферы на вектор эколого-экономически сбалансированного устойчивого развития.

Настоятельная необходимость новых парадигм в решении проблем гармоничного развития современной цивилизации вытекает из перманентных противоречий, обусловленных нарастанием двух процессов: глобализации – движения к постепенному превращению мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей

силы, регионализации – создания интеграционных межгосударственных образований, имеющих интересы создания единого экономического и социокультурного пространства в регионе (ЕС, НАФТА и др.) Вкупе с этими реалиями следует учитывать злободневность обеспечения устойчивого развития экономики и общества в целом.

Насколько актуальны эти проблемы для России, зарубежных стран и региональных сообществ в контексте экологизации экономики, в особенности аграрной, авторы попытаются исследовать в данной публикации.

Особенность настоящего момента для российской аграрной экономики связана с отечественной историей последних двух десятилетий: период 1985–1990 гг. – время реформ, или, скорее, квазиреформ, поскольку за этот период сопровождался потрясениями, связанными с «необходимостью ускорения в ходе перестройки», что само по себе являлось нонсенсом; затем полные драматизма 1990-е гг., ввергшие российское крестьянство в очередное испытание на фоне рыночной эйфории и самоустранения государства от нужд селян, развала прежних производственно-экономических связей и жесточайшей инфляции и диспаритета цен в межотраслевом обмене; далее – робкие полумеры первой половины 2000-х гг., явно не позволяющие решить непреложные императивные задачи – архиважные для судеб российского сельского хозяйства. В этом контексте следует оценивать и среднесрочную программу развития сельского хозяйства РФ на период до 2010 г., а также действующий в текущем году Национальный проект по развитию сельского хозяйства России, ибо это мизер по сравнению с неотложными кричащими проблемами, к которым государство не может быть безучастным, поскольку во всем цивилизованном мире львиную долю по разрешению этих проблем берет на себя именно государство.

Предваряя круг проблем, предлагаемых вниманию читателя в данной статье, приведем высказываний отдельных экономистов.

В своих методологических размышлениях академик Л. И. Абалкин, давая оценку состоянию экономики, отмечает: «Чтобы справиться с новыми проблемами, нужна продуманная, взвешенная, долгосрочная социально-экономическая стратегия государства. К сожалению, ее у России пока нет. Причем такая политика должна быть альтернативной тому, что делается сегодня в реальной действительности» [1].

Характеризуя далее современную экономическую политику как в значительной степени оторванную от реальной экономики, Л. И. Абалкин замечает: «Реальность такова, что уровень бедности в России превышает критические пороги национальной безопасности страны. Вложения в современные технологии, инновации и науку – самые выгодные с точки зрения стратегических задач – практически не осуществляются. Это лишает страну шансов на пути движения к информационно-индустриальному обществу и к новому качеству жизни. Об этом горько и обидно говорить, но, к сожалению, такова правда» [1].

В другой публикации, где исследуется императивы развития и их взаимосвязь с социально-экономической политикой, С. С. Губанов, определяя нынешнее состояние экономики России, подчеркивает: «Само собой, самотеком развитие не придет. После 1998 г. получен, в сущности, поверхностный эффект „случайной компенсации“. Его достаточно лишь для интенсификации экспорта сырья, но очень мало, чтобы восстановить утраченный статус индустриально и технологически развитой державы. Общество должно не блуждать вокруг да около магист-

рали прогресса, а перейти к ней сознательно, без колебаний, организованно, по оптимальной траектории и в кратчайшие сроки. Время настоятельно требует руководствоваться императивной логикой, мыслить стратегическими императивами, находить и осуществлять императивные решения неотложных исторических задач» [2].

Данные оценки социально-экономических аспектов следует дополнить аргументацией профессора экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова С. Н. Бобылева. Оспаривая тезис об уверенном переходе России на путь устойчивого развития, обозначенный в российском национальном докладе «Национальная оценка прогресса Российской Федерации при переходе к устойчивому развитию», представленном в Йоханнесбург на Всемирный саммит Организации Объединенных Наций (ООН) по устойчивому развитию, он подчеркивает: «Есть основания полагать, что современные тенденции экономического развития России являются скорее антиустойчивыми, их сохранение формирует сейчас и закрепляет на будущее неустойчивый тип развития экономики страны» [3].

Весь драматизм ситуации, что подмечает С. Н. Бобылев, состоит в том, что достижение в обозримой перспективе стратегически определенной общенациональной цели – удвоение валового внутреннего продукта (ВВП) – при сохранении сложившихся эколого-экономических параметров может привести к необратимой деградации природного капитала страны и еще большему отдалению от траектории устойчивого развития.

С учетом обозначенных оценок попытаемся разобраться в аграрных проблемах, рассмотрим круг вопросов касательно дефиниции и истории вопроса устойчивого развития; качественных характеристик понятий *экономический рост*, *экономическое развитие* и *эколого-экономически сбалансированное устойчивое развитие*. Какие практические меры неотложны в целях подготовки и принятия к руководству упомянутой Л. И. Абалкиным *долгосрочной социально-экономической стратегии России* и каковы в ней место и роль эколого-экономической компоненты?

Термин *устойчивое развитие* был введен фактически в международный обиход лишь в конце 1970-х гг. и популяризован в 1987 г. Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию, известной также как комиссия Брундтланда. В ее докладе сказано: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер с тем, чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [4].

Дефиниция устойчивого развития применительно к аграрной сфере конкретизирована в материалах, принятых на сессии FAO в Риме (1996 г.): «Главной задачей программы устойчивого сельского хозяйства и развития является повышение уровня производства продуктов питания устойчивым способом и обеспечение продовольственной безопасности. Для решения этой задачи необходимо поддерживать образовательные инициативы, использовать экономические инновации и развивать приемлемые новые технологии, обеспечивая таким образом стабильный доступ к продуктам питания, соответствующим потребностям человека в питательных элементах; до-

ступ к ним для бедных групп; развивать товарное производство; добиваться сокращения безработицы и повышать уровень доходов в целях борьбы с бедностью; управлять природными ресурсами и защищать окружающую среду» [5].

В научной литературе *устойчивость* в широком смысле слова рассматривается как способность системы стремиться из различных состояний к определенному равновесию. Подходы к исследованию сущностных характеристик устойчивости остаются дискуссионными и с учетом предмета изучения и изначально заданных целевых установок представляются многоаспектными, с присущими им особенностями в различных областях науки: экономической, экологической, географической, социальной и др.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение их специфики, лишь отметим, что нельзя смешивать устойчивость как концептуальный подход, используемый при разработке и реализации стратегии касательно глобального уровня, а также национального, регионального, локального, и устойчивость как объективное свойство той или иной исследуемой системы, хотя одно другое, конечно, не взаимноисключает.

Кроме того, при оценке в общемировом масштабе, в контексте общечивилизационных задач, конкретизация *устойчивости* и *парадигмы устойчивого развития* должна реализовываться, по нашему мнению, дифференцированно по отдельным регионам мира с учетом степени выраженности насущных глобальных экологических и социальных проблем, а также реально существующей разнополярности и растущей контрастности в экономическом развитии отдельных групп стран в условиях глобализации. – Это говорит об относительности УР.

По данным ООН, 20 % наиболее богатых жителей Земли потребляют 86 % мирового ВВП, концентрируют 82 % мирового экспорта и 68 % прямых иностранных инвестиций; на долю беднейших 20 % земель, проживающих в наименее развитых странах мира, приходится по этим показателям менее 1 %, полярность между 20 % наиболее благополучного населения Земли и 20 % беднейшего населения все более увеличивается: она составляет уже 74 к 1. Между тем этот показатель в 1990 г. был равен 60 к 1, а в 1960 г. – 30 к 1 [6].

Иными словами, парадигма устойчивого развития – это не самоцель, а объективное веление времени. В каждом конкретном случае она имеет свой набор составляющих элементов, обусловленных конкретным уровнем экономического и социального развития региона, потенциальными возможностями и интересами социума.

Исследования эколого-экономических аспектов функционирования аграрной сферы сопровождались возникновением ряда новых определений: *альтернативное земледелие* (*alternative agriculture*), что представляется более обобщенным термином, характеризующим коренной переход от техногенной индустриальной системы земледелия к экологически устойчивой системе с минимальным использованием невозобновляемых энергетических ресурсов нефермерского происхождения (*low-input agriculture, reduced input agro ecosystem*), *экологическое земледелие* (*ecological agriculture*), *естественное*

земледелие (*natural farming*), *биологическое земледелие* (*biological agriculture, organic farming*), *динамически адаптивное и экологически сбалансированное земледелие* с минимальным использованием материально-энергетических ресурсов нефермерского происхождения (*low-input sustainable agriculture*), – *точное сельское хозяйство* (*precision farming*) – высокотехнологичное земледелие.

Во многих публикациях данные дефиниции варьируются, но с некоторой степенью условности их можно подвести под общий знаменатель – это переход от интенсивной техногенной системы к экологически устойчивой системе сельского хозяйства, в которой доминирует экологическая мотивация – сбалансированное развитие элементов агроэкосистемы.

Рассматривая более детально сущностные различия дефиниций экономический рост и устойчивое развитие и учитывая конкретные уроки, пройденные на отдельных этапах экономической деятельности в сельском хозяйстве, как отечественном, так и зарубежном, мы можем воочию убедиться в принципиальной значимости учета специфики и особенностей, поскольку не всякий экономический рост в конечном счете оборачивается благом для общества, а последствия и негативный синергический эффект зачастую перекрывают достигнутый позитив.

Экономический рост трактуется как переменный рост реального объема производства в обществе, сопровождаемый улучшением его экономических, социальных и технологических характеристик [7].

Понятие развитие представлено как характеристика качественных изменений объектов, появление новых форм бытия, инноваций и нововведений, сопряженная с преобразованием их внутренних и внешних связей. Выражая прежде всего процессы изменений, развитие предполагает сохранение (системного) качества развивающихся объектов [9].

Объясняя эти понятия, В. И. Данилов-Данилян и К. С. Лосев вполне правомерно предлагают учитывать их разницу: «Между *ростом* и *развитием* есть существенная разница – и в русском, и в английском языках. Рост означает увеличение размеров посредством ассимиляций и нарастания материала, а развитие – расширение и реализацию потенциальных возможностей, чтобы стать совершеннее; расти значит увеличиваться количественно, а развиваться – улучшаться качественно, становиться разнообразнее. Количественный рост и качественное развитие подчиняются разным законам и дают разные результаты» [8].

Дополним цитируемую мысль тем, что дело здесь наверное не только и не столько в специфике русского и английского языка. Вопрос состоит в том, насколько существенно решение проблем соотношения *объективного* и *субъективного*, познания этих процессов и насколько рационально с точки зрения оптимального сочетания экономических и экологических составляющих, *императивов развития*, опосредующих связь между объективными и субъективными факторами, учитываются эти специфические особенности при адекватном осознании и их воплощении в проводимой социально-экономической политике. Такой подход, как нам представляется, действительно необходим для переломного момента, в котором

находится современная российская экономика, в том числе аграрная, и лишь в данном контексте целесообразно вести работы по разработке конкретной стратегии перехода к устойчивому развитию и ее использование в практической деятельности.

Принципиальное значение необходимости учета качественной разницы между понятиями *экономический рост* и *устойчивое развитие* состоит в том, что они определяют объективно существующие процессы, которые могут работать во благо общества, если вовремя познаны и по ним приняты адекватные меры, в равной степени они могут иметь в конечном счете негативные результаты, если в стратегии и практической деятельности по ним сделаны просчеты и перекосы.

Приведем некоторые примеры из практики аграрной деятельности в различных регионах мира, раскрывающие непреложность экологической компоненты и насущность ее учета в стратегии развития:

- общенациональное мероприятие середины 1950-х гг. – освоение в России и Казахстане целинных залежных земель, когда было вспахано около 45 млн га обеспечившее экономический рост в земледелии, сопровождалось дисбалансом между отдельными элементами агроэкосистем, что ускорило деградацию больших земельных массивов, в дальнейшем их выпадение из сельскохозяйственного оборота, а также появление частных пыльных бурь, уничтожающих плодородную землю и обостривших экологические проблемы региона в целом;

- интенсификация хлопководства в азиатских республиках бывшего СССР, выразившаяся в необузданном технократическом культивировании данной отрасли на фоне тотального расширения ареала размещения данной почвоистощающей и влаголюбивой отрасли, обернувшаяся драматическими экологическими последствиями по деградации земли и экологической катастрофой – гибелью экосистемы Аральского моря;

- имевшая место в США печально известная пыльная буря лета 1934 г. (*Dust Storm*), в результате чего были потеряны десятки миллионов гектаров некогда плодородной пашни, заставившая многих фермеров переселяться в другие более благодатные регионы США, также явилась следствием аграрной деятельности вне учета экологических императивов;

- известный экономический рост в аграрном секторе Китая сопровождается дальнейшим угнетением природных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве. Это прежде всего касается чрезмерных техногенных нагрузок на единицу земельной площади при высокой плотности населения. Такие проблемы, как перевыпас скота на естественных пастбищах, переэксплуатация грунтовых вод на фоне жесточайшего дефицита пресной воды как для питья, так и для орошения, в особенности в северных провинциях, дисбаланс в элементах агроэкосистем между пашней, лесом и водными ресурсами, все еще ждут своего решения. Беспрецедентный экономический рост в Китае за последние два десятилетия лишь обострил и усугубил проблемы эколого-экономически устойчивого сбалансированного развития.

Глобальный характер и острота данных проблем ощущаются при рассмотрении реалий, обеспечивших эконо-

мический рост и определенное увеличение объемов производства продуктов питания, но при этом воочию демонстрирующих очевидность саморазрушения такой парадигмы для современной цивилизации.

Так, оценивая в целом состояние основных природных ресурсов, на которых зиждется современное земледелие и продовольственное обеспечение, следует сказать, что в начале 3-го тысячелетия, в глобальном масштабе зримо наблюдается эпоха экологического кризиса, которая представляется наиболее опасным аспектом общесистемного кризиса современной цивилизации

В этом плане большей интерес представляет оригинальная постановка насущных глобальных проблем известным американским специалистом Л. Брауном, который в своей фундаментальной работе «Эко-Экономика» исследует глобальные экономические и экологические аспекты достижения современным обществом устойчивого развития. Он проводит аналогию между 1543 г., когда открытие Н. Коперника о том, что Земля крутится вокруг Солнца, а не наоборот, как думали ранее, внесло кардинальные изменения в научные концепции и мировоззрение этой эпохи, и современным этапом развития человеческого общества, когда мы все должны осознать, что экономика является частью биосферы и окружающей среды, а не наоборот. В настоящее время мировое сообщество обязано строить свою экономику, не разрушая биосферу и природные ресурсы, на чем она зиждется, а согласуясь с экологическими императивами.

Браун отмечает, что если бы Китай имел на сегодня уровень жизни США, т. е. американский достаток и образ жизни – гараж и машину в каждой семье, то ему приходилось бы потреблять ежедневно 80 млн баррелей нефти (это почти современное мировое производство нефти), и если в Китае потребление бумаги было бы на реально достигнутом в США уровне, то китайцы нуждались бы в объемах бумаги больше общемирового производства данной продукции [9].

Таким образом, Л. Браун подчеркивает то серьезное обстоятельство, что в современном мире развитые страны в техногенных нагрузках и использовании природных ресурсов перешли рамки дозволенного биосферой и необходимо принять радикальные меры как на уровне отдельно взятой страны, так и на континентальном, межконтинентальном, в надежде, что решение насущных глобальных проблем по преодолению этих трудностей без социальных катаклизмов и потрясений, окажет благотворное влияние на современную цивилизацию и всю биосферу.

Следует также отметить, что с учетом именно такого подхода экологическое благополучие отдельного поля даже самых скромных размеров или малого фермерского семейного хозяйства, не говоря уже об экологическом равновесии элементов агроэкосистемы таких агроландшафтов, как, скажем, Великие равнины США или распаханые в 1950-х гг. целинные земли России и Казахстана – это составные части данной глобальной проблемы.

Различия в подходах между экономистами и экологами в их восприятии мироздания в новом столетии в условиях экологизации экономики будут, по всей видимости, уменьшаться. Тем не менее, очевиден факт того, что экономисты, глядя на беспрецедентный рост глобальной

экономики, международной торговли, инвестиций, видят многообещающее будущее: они отмечают, что глобальная экономика возросла в 7 раз за период с 1950 по 2000 гг., выпуск продукции и оказанных услуг – с 6 трлн долл. 43 трлн долларов, увеличивая жизненный уровень до сего невиданными темпами. Экологи смотря на тот же процесс роста, видят и осознают этот продукт как результат использования (сжигания) большого количества искусственно добываемых ископаемых, топлива, памятуя о том, что данный процесс производства и нарастающая технологическая нагрузка на глобальную экосистему дестабилизируют климат. Они смотрят вперед и видят более интенсивные горячие волны, более разрушительные штормы, усиливающиеся таяние горных ледников, подъем уровня морей, отволакивающих у человека часть суши, пригодной для жизнеобеспечения человека, тогда как численность населения в мире растет 10.

В то время как экономисты видят возрастающие экономические показатели, экологи видят экономику, которая меняет климат с трудно предсказуемыми последствиями. В новое столетие мир вступил при ситуации, когда экономисты, наблюдая за мировым рынком зерна и видя перманентно низкие цены за последние два десятка лет, что представляет четкий признак ситуации, когда современные объемы производства перекрывают эффективный платежеспособный спрос, делают выводы о том, что предложение в обозримой перспективе не должно быть проблемой. Экологи тем временем видят значительное снижение обеспеченности водой в ключевых странах – производителях продовольствия, и предостерегают, что в настоящее время 480 млн человек из 6,1 млрд человек питаются зерном, производя его при перевыкачивании подземных водоносных горизонтов. Экологии обеспокоены тем, что данная ситуация истощает ресурсы, на которых зиждется аграрное производство [11].

Итак, время не терпит отлагательств, следует осознать всю серьезность и чреватость экономической деятельности, где императивные требования не учитываются и экономический рост в конечном счете не всегда является благом для общества. В этих целях, по нашему мнению, для предупреждения дальнейшей деградации природных ресурсов необходимо в корне переоценить экономическую деятельность в аграрном секторе с тем, чтобы дальнейший экономический рост сопровождался такой структурной перестройкой экономики, где мы будем иметь ресурсосберегающие и безотходные технологии, в приоритетном порядке будут решаться вопросы природоохраны, а весь экономический механизм заинтересовывал бы хозяйствующие субъекты внедрять технологии, отвечающие экологическим требованиям и продовольственной безопасности.

В этой связи приоритетное место должны занять индикаторы устойчивого развития, позволяющие раскрыть реальное состояние эколого-экономических аспектов народного хозяйства, наметить поэтапный и последовательный перевод на вектор устойчивого развития как на локальном и региональном, так и общенациональном и глобальном уровне.

Социально-экономическая стратегия государства призвана обеспечить структурную перестройку эконо-

мики, отвечающей прежде всего общенациональным интересам, реализующей на деле стимулирование инновационных и интеграционных процессов, снижение природоемкости продукции и услуг, с тем, чтобы в обозримой перспективе обеспечить экономике России удвоение ВВП на фоне кратного снижения показателей природоемкости продукции.

В этом плане дискуссии по поводу роли государства и его инструментов должны остаться в прошлом. Лишь на путях четко выверенной общенациональной стратегии при государственном регулировании и ответственной поддержке можно на деле возродить сельское хозяйство и обеспечить устойчивое развитие. Безусловно, при этом следует использовать опыт, как отечественный, так и зарубежный, при четком разделении прерогатив общенационального и регионального регулирования процесса реализации программ экологизации экономики, в том числе и аграрной.

Выполнение комплекса императивных мер, обеспечивающих смену парадигм развития российской экономики, безусловно, приблизит нас к тому, чтобы повысить эффективность межгосударственных интеграционных связей и добиться вхождения России в статус могущественной державы мирового сообщества. При этом следует учитывать реально сложившуюся ситуацию, с которой все мировое сообщество столкнулось в начале XXI в., заключающуюся в том, что вместе с генерированием индивидуальных экономических возможностей и национального богатства, необходимого для динамического развития экономически здорового общества в рамках отдельно взятой страны или регионального интегрированного сообщества стран, придется значительно уменьшить риски, связанные с окружающей средой, и социальную несправедливость, которые сопровождали экономическое развитие в прошлом.

Во всем мире наблюдается рост населения, которое, естественно, стремится к лучшей жизни для себя и своих детей. Все это потребует увеличения производства товаров и услуг. Цель устойчивого и сбалансированного развития состоит в том, чтобы найти удовлетворить эти потребности, не разрушая природные ресурсы и экосистемы, от которых зависит настоящий и будущий прогресс человечества.

Библиографический список

1. Абалкин, Л. Экономическая политика и ее ответственность за развитие науки (методологические размышления) / Л. Абалкин // Экономист. 2004. № 5. С. 3–4.
2. Губанов, С. Императивы развития / С. Губанов // Экономист. 2004. № 2. С. 3–4.
3. Бобылев, С. Россия на пути антиустойчивого развития? / С. Бобылев // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 43–44.
4. Наше общее будущее : доклад Междунар. комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) : пер. с англ. М., Прогресс, 1989. С. 20
5. Chap. 14: Promoting Sustainable Agriculture and Rural Development: Agenda 21. Rome : FAO, 1996
6. Глобализация и экономический рост // Экономика сел. хоз. России. 2002. № 11. С. 36–37.

7. Большой энциклопедический словарь. Минск : УП «Мин. ф-ка цв. печати», 2002. С. 705
8. Данилов-Данилян, В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов-Данилян, К. С. Лосев. М. : Прогресс-Традиция, 2000, С. 109

9. Lester, B. R. Eco-Economy. Building an Economy for the Earth / B. R. Lester. Earth Policy Institute. New York : WW Norton & Company, 2001, P. 63
10. World Economic Outlook Washington, D. C., 2000 Oct.
11. Lester, B. R. Eco-Economy. P. 5–6.

S. M. Pshihachev

IMPERITIVENESS OF ECOLOGIZATION OF THE AGRARIAN SECTOR OF ACONOMY: GLOBAL AND REGIONAL ASPECTS

It is considered the global problems and definitions of steady development. There is the analysis of specificity of economic growth and steady development definition based on concrete examples of agrarian economic activity of different regions. It is uncovered the reasons of the negative ecological consequences as a result of the permanent technocracy approach and economic development without ecological imperatives accounting. It is enumerated the arguments of steady development paradigms urgency and necessity of the differentiated approach to a problem of stability. In the context of structural reorganization and ecologization of Russian economy it is given the conclusion about necessity of a changing, developing and accepting the national agrarian program based on ecology-economically balanced steady development.

УДК 656.01

Н. А. Романова

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПАССАЖИРСКОГО ТРАНСПОРТА (НА ПРИМЕРЕ г. МАГАДАНА)

Рассматриваются отдельные аспекты организации и функционирования городского пассажирского транспорта г. Магадана. Проведен расчет качественных характеристик работы автобусного транспорта города в разрезе безопасности движения, комфортности, надежности и других показателей. Даны некоторые рекомендации по улучшению качества услуг городского пассажирского транспорта со стороны местных органов самоуправления.

Одно из ведущих мест в составе отраслей городского хозяйства отводится городскому пассажирскому транспорту, от качественной и стабильной работы которого зависят многие аспекты городской жизнедеятельности, в частности, интенсивность деловой активности населения, полноценное развитие городской экономики, формирование комфортных социальных условий проживания населения территории. Осуществление управления городским пассажирским транспортом и разработка мероприятий по улучшению качества услуг городского пассажирского транспорта, удовлетворяющего потребителей, требует объективной оценки уровня пассажирского обслуживания населения [7; 8; 9; 10; 11].

Изучение и анализ ряда работ, связанных с оценкой качества городского пассажирского транспорта, показали, что формирование критериев эффективности работы городского пассажирского транспорта проводится обычно в зависимости от конкретно поставленной цели и решаемых задач [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Эти задачи различны, среди них: проведение планово-проектных расчетов; оценка качества работы предприятий и организаций городского пассажирского транспорта; оценка работы водителей и бригад; оценка качества маршрутной сети и др.

Выбранные при этом показатели, как правило, характеризуют эффективность состояния и развития отдельных звеньев системы городского пассажирского транспорта.

В связи с этим автору представляется актуальным провести комплексную оценку уровня качества функционирования городского пассажирского транспорта (S) на примере города Магадана:

$$S = S_1^{k_1} S_2^{k_2} S_3^{k_3} S_4^{k_4} S_5^{k_5} S_6^{k_6}, \quad (1)$$

где S_1 – надежность перемещения точно по графику (время поездки); S_2 – доступность (частота движения общественного транспорта); S_3 – безопасность (вероятность безотказной работы общественного транспорта); S_4 – комфортность (качество поездки); S_5 – стоимостной показатель (величина транспортного тарифа); S_6 – показатель уровня информационного обеспечения; $k_1, \dots, k_6$ – показатели степени, характеризующие весомость соответствующего показателя уровня качества.

Проведем расчеты на основе данных функционирования автобусного транспорта г. Магадана по показателям в среднесуточном исчислении в 2005 г.

Показатель надежности перемещений точно по графику. Количественно определяется временем поездки $t_{\text{пер}}$ – временем перемещения пассажиров обществен-